

Русский курьер. — 2004. — 8 июля. — с. 27

В кино должны быть любовь и убийство

Цурай Павел

Фильм Павла ЧУХРАЯ «Водитель для Веры», сплетающий любовную интригу (отношения солдата с генеральской дочкой-хромоножкой) с политической интригой начала 60-х (убийство ее отца, организованное спецслужбами), стал победителем последнего «Кинотавра». С режиссером беседует кинообозреватель «РК» Виктор МАТИЗЕН.

— Со времени выхода твоей предыдущей картины «Вор» прошло больше шести лет. Все это время потрачено на «Водителя для Веры»?

— Почти все. Но не потому, что я такой медлительный. Долго не могли собрать бюджет. Потом месяц снимали — на четыре месяца встали. Съездили в осеннюю экспедицию, сняли метров двести — и остановились. Какое-то время вообще было непонятно, будем ли продолжать. Я переключился на другой проект, потом вернулся...

— Из чего складывался замысел фильма?

— Было несколько толчков. Во-первых, я знаком с человеком, который был разводящим в Кремле, и от него кое-что знаю об этой жизни. А потом в провинции один мужик показал мне свои армейские фотографии, где он присел эдаким орлом в форме кремлевского курсанта возле «Чайки». Кроме того, я видел много парней, которые женились на дочках больших начальников. А с другой стороны, знаю, что начальников у нас делают козлами отпущения. Что же касается повода для военно-кагэбэшной интриги, то в конце 50-х в Севастопольской бухте действительно перевернулся военный корабль. И мне захо-

телось рассказать о том времени какую-нибудь драматическую историю. Так вырос сценарий.

По вопросам критиков я почувствовал, что картина нарушает какие-то важные жанровые границы. Это было для меня неожиданно. Я сам не люблю, когда мне предлагают одни условия игры, а затем меняют их на другие. Но мне не казалось, что я смешиваю жанры. У меня не было той задачи, которая стояла, например, перед Сергеем Урсуляком при экранизации «Долгого прощания», где очень важна точность передачи реалий времени. Я сидел на его фильме и ревел, потому что это имело отношение к моей жизни. Но я-то снимаю не жизнь, а кино. В американском смысле этого слова. Закручиваю зрительскую историю с человеческими характерами. При этом я стараюсь соблюсти какие-то реалии, но главное для меня — не наврать в человеческих отношениях. И если это удалось, уже хорошо.

— Насколько обязательным было сочетание любовной линии с политико-криминальной?

— Для этого жанра — обязательно. Не дай бог себя сравнивать с классиком, но ведь и Достоевский писал

почти детективные романы, в которых было еще нечто такое, от чего мы до сих пор задыхаемся. И я на своем уровне не хотел сделать картину заманчивой и напряженной. Отсюда все драматургические встряски — пожар, авария, танцы-шманцы...

— Доводить интригу до убийства генерала тоже было необходимо?

— Да. Таковы правила драматургии. Исключения из этих правил есть, и их довольно много, но в принципе надо, чтобы была любовь и было убийство. К тому же это мое ощущение того времени — я не мог рассказывать глянцевою историю без столкновения двух начал — светлого и темного, теплого и ледяного, когда с одной стороны — все для блага человека, а с другой — человека хватают и отрывают ему яйца.

— Как-то уж очень неуклюже КГБ у тебя это делает...

— А в жизни они, по-твоему, очень ловкие? Может, они Яндарбиева ловко замочили? Или Ахромеева с Пуго?

— А ты уверен в том, что двое последних не покончили с собой?

— Ахромеев был офицер. Он мог застрелиться, а вешаться бы не стал. Но им было выгодно его тихо придушить и сочинить детскую сказку про самоубийство. И у меня в картине они убивают генерала, а потом инсценируют другие обстоятельства смерти. Или эта история с Овечкиными, когда после неудавшегося угона самолета сын якобы застрелил мать по ее же просьбе. Что за чушь?! Ее что, четвертовали бы за этот угон? Конечно, их убили те, кто штурмовал самолет, а в прессу запустили очередную басню...

— А тебе не кажется, что этот «убийственный» сюжет искусственно прерывает развитие любовно-карьерной линии? Ведь так и не выясняется, что происходило с героем — то ли он просто делал карьеру, то ли действительно влюбился в дочь генерала, то ли уговорил себя, что влюбился...

— Повороты сюжета может быть сколько угодно. Я даже думаю, что кино скоро предоставит зрителю возможность выбирать их по своему вкусу. Но я рассказываю ту историю и даю тот финал, которые сложились у меня. Ге-

рой оказывается лучше, чем мы могли себе представить, и чем он сам о себе думал.

В нашем деле рациональные способы не работают. Если я начинаю строить, все сразу засушивается, и вы тут же это заметите. Если недостатки — продолжения достоинств, то достоинства — продолжения недостатков. Часто мы смотрим фильм и говорим себе: «Ну, Иванов! Сделал бы по-другому — и все было бы путем...». Да если бы

— Я не оправдываю, а стараюсь увидеть в них человеческое. Я знал одного мужика, который женился на «дочке», и я его презирал, а потом увидел, как он возится со своим парализованным и отовсюду вышибленным тестем, и это меня тронуло. Или тот же кагэбэшник, которого играет Андрей Панин. Мне интересно рассказать не о том, какой он урод. Он более аморален, чем я, но я знаю, какой у него был папа и чему

«Это меня папа учил, что стучать плохо, а кто-то рос в габэшной семье, обожал своего папу и мечтал стать таким же, как он...»

он тут «улучшил», у него не получилось бы то хорошее, что он сделал в другом месте. Мне вообще не хочется анализировать то, что я делаю. Если бы режиссеры анализировали, как критики, они не занимались бы своим делом, а занимались вашим.

— Некоторые режиссеры анализируют кино, как дай бог каждому критику.

— Ничего не имею против, но я говорю о самоанализе. Я копаюсь в себе по моральным и психологическим поводам, а не по художественным. И в любом случае не стану обращаться к психологу для решения своих внутренних проблем, потому что иногда смотрю им в глаза и вижу, что они в таких же комплексах, как и я. Как же я могу доверять им устройство своей жизни?

— У тебя не только главный герой оказывается лучше, чем мог показаться, но и кагэбэшник, и сам генерал. И возникает мнение: «Все они сволочи, пробы ставить негде, а режиссер их оправдывает!».

его учил. Это меня папа учил, что стучать плохо, а кто-то рос в габэшной семье, обожал своего папу и мечтал стать таким же, как он. Страшный он человек? Страшный. Но человек. И знаешь, что самое страшное в этих людях? То, что они с виду нормальные, хорошие парни. Они могут пить с тобой водку, могут с тобой дружить, могут тебе помочь, но если им прикажут — отобьют тебе печень и переломают ребра. Положение обязывает. Если они пошли в эту машину, то должны подчиняться ее правилам. Она сама отбирает и создает людей. В советское время писали: «В магазин пришел работать неподкупный продавец». Да на кой черт неподкупный туда пойдет? Неподкупного там подставят и посадят на второй день. Продавец приходил в магазин, чтобы красть недовешенную колбасу. А где теперь все эти продавцы и габэшники? Возглавляют фирмы и банки. Многие из них обаятельные, умные и культурные с виду люди. Но если надо, кирпичом по башке вломят...

— Твой генерал тоже такой?

— Он тоже волчара, иначе не добрался бы до своего поста, но волчара другой породы. Был такой Николай Трофимович Сизов, директор «Мосфильма», генерал МВД, партийный босс, тяжелый и мрачный человек. Но в той системе он вызывал уважение. Я с ним общался мало, и для меня лично он ничего особенно хорошего не сделал. Однако я видел, что это профессионал и человек слова, который по возможности помогал людям. Тарковскому, например. Хотя, думаю, в свое время переступил не через одну жизнь. С волками жил — по волчьему вылу. Как и многие в нашей стране. Я старался этих людей понять, а не простить. Хотя в чем их вина — очень трудный вопрос...

